

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ

замурзанный

В русском просторечии встречается достаточное количество слов, лишенных родственных связей (ср. *оголтелый*, *валандаться*, *обрýдло* и приведенное выше *замурзанный*). Как правило, это слова, принесенные в литературный язык из диалектов или других славянских языков в качестве компонентов устойчивых словосочетаний или экспрессивных вариантов, в отрыве от гнезда родственных слов. Слово *замурзанный* значит 'запачканный' (ласкательно, чаще всего по отношению к ребенку). В Академическом словаре русского языка это слово отсутствует, нет его и в словаре Фасмера. Как уже говорилось выше, родственных образований в литературном языке слово не имеет. Между тем таковые есть в говорах: *мýрза* 'грязнуля, замарашка' (в русских говорах Прибалтики¹, в говорах Калининской, Владимирской, Ярославской, Московской областей)². В Дополнении к Опыту областного великорусского словаря дается очень точное определение слова *мýрза* 'дитя веселое, собою хорошее, но запачканное'. Кроме этой формы, есть еще прилагательное *мурзáтый* 'с запачканным лицом'³ и глагол *мýрзиться* 'пачкаться'⁴. Приставочные образования с этой основой представлены только в исковских и оставшковских говорах — *замýрза*, *замурзáйка* 'замарашка', *замýрзаться* 'запачкаться': Эж я *замурзалась* как, словно с печи вылезла⁵.

В белорусском языке и в русских говорах с белорусской основой (смоленских и брянских) эти слова распространены очень широко: *абмýрзаны* 'выпачканный чем-нибудь', *абмурзáцца* 'выпачкаться, выпачкать лицо', *замýрзаны* 'вымазавшийся', *замур-*

¹ Ты—*мýрза*, нав'эрна дз'в'э н'адз'эл'и н'а мýлс'а (В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963, стр. 158).

² Дополнение к Опыту, стр. 119.

³ В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Указ. соч., стр. 158; в говорах Себежского р-на Великолукской обл. — Картотека Словаря русских народных говоров (в Ленинграде).

⁴ Свердл. Картотека Словаря русских народных говоров (в Ленинграде).

⁵ Дополнение к Опыту, стр. 59; Д а л ь ³ I, стб. 1512.

збіцца 'выпачкацца'⁶; *замурзана* 'замарашка', *замурзакаться* 'загрязниться'⁷; блр. *замурзаць, замурзываць* 'запачкаць' (говорится о лице), *замурзаны* 'запачканный, замазаный': У дзідцяті уся тварь *замурзана*⁸. Столь же обширно это гнездо слов в украинском языке: *мурза* 'їжа, приготовлена з ягід черниць, груш, маку і цукру', *мурзаний* 'замурзаний'⁹; *замурза* разг. 'замарашка', *замурзати* 'запачканный, выпачканный, испачканный, обмазанный, чумазый, грязный': А весела, *замурзана* солодким соком дитвора¹⁰; *Замурзана* така сказано — дитина чи їсть, чи п'є, то по грудях тече; а там мокре таке полізе на двір і бавиться в поросі¹¹.

Любопытно, что та же группа слов, как заимствованная из славянского источника, представлена в литовском языке: *murzinas* 'грязный, чумазый' *murzinti* 'грязнить, марать', *murzintis* 'грязниться, мараться'¹².

Территория распространения этих слов — белорусский, украинский, литовский языки и смежные с ними русские говоры — наталкивает на мысль о необходимости искать для них польский источник. И действительно, мы имеем польск. *murzać, murzyć* 'brudzić, walać, smolić, czernić, plamić, morusać'¹³ и производные: *murzanie, murzenie, murzaty, murzasty, murzeczka; murza, murdza* 'człowiek zamorusany, uczerniony, brudas, niechluj'; 'dziecko z twarzą uwalaną'¹⁴. Все эти слова семантически производны от слова *murzyn* 'człowiek gasy czarnej, Negr'¹⁵. Последнее, по мнению Брюкнера, является заимствованием из латинского *maurus* через немецкое посредство¹⁶.

Таким образом, эпицентр распространения этой группы слов находится в Польше. На территории бывшего Польско-Литовского государства представлены все производные формы и значения, но отсутствует основное слово *murzyn* 'негр', с удалением от центра активность значительно падает, и в среднерусских говорах (но все же подверженных польскому влиянию) эта же группа слов представлена только частично, отдельными образованиями.

⁶ П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины (рукопись), стр. 9, 183.

⁷ Смол. Далъ³ I, стб. 1512.

⁸ Носович, стр. 175.

⁹ А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. — «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 35, 36.

¹⁰ «Українсько-російський словник», т. II. Київ, 1958, стр. 84.

¹¹ Гринченко II, стр. 70.

¹² M. N i e d e r m a n n, A. S e n n. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, II. Heidelberg, 1951, стр. 111.

¹³ K a r ł o w i c z — K r u ń s k i — N i e d ź w i e d z k i II, стр. 1072.

¹⁴ Там же, стр. 1072—1073.

¹⁵ Там же.

¹⁶ B r ü c k n e r, стр. 348.

Несмотря на наличие в говоре Московской обл. слова *мўрза* 'грязнуля', источник литературного *замўрзанный* скорее всего следует искать в украинском или белорусском языке, где существует именно эта форма слова¹⁷.

КОЗНЫ

Еще недавно широко распространенная игра в кости носит в русских говорах два основных наименования: *бабки* и *козны*¹⁸. Для нас представляет интерес второе наименование, хотя и не-литературное¹⁹, но представленное по говорам столь же широко, как и термин *бабки*. Слово *козны* отмечено в говорах Псковской, Калининской, Архангельской, б. Олонецкой, Ярославской, Владимирской, Вологодской, Курской, Калужской, Тульской, Смоленской, Тамбовской, Пензенской областей, на Дону, в говорах Урала и Сибири²⁰, иными словами, почти на всей территории России.

Сохраняя устойчиво семантику, слово значительно варьируется формально. Зафиксированы следующие варианты: *козон*, *козан*, *козен*, *козень*, *козён*, *козн* м. р., *козна* ж. р. при мн. ч. *козны*, *козни*, *козёнья*, форма уменьшительности *козонёк*, *козанёк*, *казанёк*, *козунёк*, *козенёк* при мн. ч. *козонки*, *казанки*, *козенки*. Отмечено несколько искаженных форм или таких, в которых отчетливо видно влияние аналогии: *козлёк*, *козль*, *казан*, *казей* и *козят*.

Наибольшую частоту употребления имеет форма *козон* при мн. *козны*.

¹⁷ Возможно, что к этому же гнезду слов примыкает распространенная кличка кота *Мурзик*, ср. польск. *murzyk* 'nazwa psa o rysku czarniawym', хотя не исключено и другое объяснение этого слова.

¹⁸ Терминология этой игры довольно обширна: здесь и узкоместные названия этой игры — *каساتки*, *лодыжки*, *костыги*, *чинки*, *шашки*, *чмўка*, *шмўка*, *альчики*, *айданчики*, *папки*, и названия биты — *битка*, *битёк*, *боец*, *панок*, *папёк*, *гвоздырь*, *бабура*, *сака*, *сочка*, и наименования различных положений бабки при жеребьевке — *цыка*, *дыра*, *клоча*, *сайга*, *жога*, *жог*, *ничка*, *плючка*, *сак*, *молоха*, *чик*, *бук*, *талл*, *арца*, *каста*, *паца*, *бока*, *шляк*, *баска*.

¹⁹ Тем не менее зафиксированное в Академическом словаре русского языка (т. 5, стр. 1120).

²⁰ Д а л ь³ II, стб. 333—334; П о д в ы с о ц к и й, стр. 68; А. Г р а н д и л е в с к и й. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, т. 83, № 5, 1907, стр. 15; К у л и к о в с к и й, стр. 38; В. В о л о ц к и й. Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губ.) говора. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 3, 1902, стр. 29; С. А. К о п о р с к и й. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ. — «Тр. Яросл. ПИ», 1929, т. II, вып. 3, стр. 127; Г. Г. М е л ь н и ч е н к о. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 89; Дополнение к Опыту, стр. 83; Н. С у р о в ц е в. Список слов особливых Вологодской губернии. — «Тр. Общ. любит. рос. словесн.», 1822, ч. I, стр. 18; Е. Ф. Б у д д е. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. — ИОРЯС, 1898, т. III, кн. 3, стр. 859; А. М и р т о в. Донской словарь. Ростов на/Д, 1929, стб. 140.

Фактически слово не имеет этимологии, так как указание Фасмера на тюрк. *kazyk* как на возможный источник русск. диал. *казей*²¹ не объясняет ни форм, ни широты распространения слова.

Значение 'игра в кости', 'кости для игры' у слова не первично, оно производно от значения 'надкопытный сустав ноги рогатого скота'. Такая двойственность значений наблюдается повсеместно, ср. аналогичное *бабка* 'кость для игры', *бабка* 'надкопытный сустав лошади'. Возможно, что первоначально разграничение терминов *бабки* и *кбзны* проходило именно в этом пункте: *бабки* 'надкопытные кости лошади', *кбзны* 'надкопытные говяжьи кости'.

Но кроме того, слово *кбзны*, *козонки* в говорах Архангельской²², Пермской областей²³, Урала²⁴ и Сибири²⁵ означает еще суставы пальцев рук и ног человека и «ручную шиколодку, костяную шишку под запястьем, со стороны мизинца на локтевой кости»²⁶. Иными словами, передавая значение слова более обобщенно, можно сказать, что *кбзны*, *козонки* — 'мелкие суставы рук и ног животного и человека'. Это же слово в говорах Архангельской обл. и Сибири выступает в значении 'позвонок': *козонки* у рыбы в хребетницы, из *козонкоф* хребетницы²⁷; *козонки* — 'позвонки'²⁸. Бросается в глаза формальная близость этих образований.

Естественно предположить, что мы наблюдаем здесь две параллельные формы: *позвонок* и *козенок* < *козвонок.

Такое предположение позволяет понять разнообразие вариантов слова. Первоначальные формы должны были быть *розвопъ и *козвопъ с различными приставками как обозначение соединения костей, мелких суставов в позвоночнике и пальцах рук и ног. При наличии ударения на первом слоге в слове *кбзвопъ произошла утрата *v*, возникла форма *кбзон*, которая представлена в большинстве говоров. Но утрата была толчком к дегитимологизации слова, второе *o* стало восприниматься как суффиксальное и исчезло во множественном числе, образовалась пара *кбзон* — *кбзны*. Уникальность ложного суффикса привела к замене его распространенным суффиксом *-ень*, ср. *кбзень*—*кбзни*, даже *козенья*. Дальнейший

²¹ Ф а с м е р II, стр. 278: *козей* м., *козейка* 'альчик, бабка' донск. (Даль). Неясно. Ср. саг, койб. *kazyk* то же, тел., шор., леб. *kazyk* то же (Радлов, 2, 374, 400).

²² *козенбк*, *козунбк* 'сустав пальца на руках и ногах' — повсеместно (П о д в ы с о ц к и й, стр. 68); по пер'с'ям *казанки* так'й, — Л. А. И в а ш к о. Картоотека Печорского областного словаря (Ленинград).

²³ *козонбк* 'сустав пальца' (перм.). — Картоотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

²⁴ *козанки* 'суставы пальцев' (урал.). — Там же.

²⁵ *козонбк* 'верхняя часть сустава у ручного пальца' (иркут.). — Дополнение к Опыту, стр. 83.

²⁶ Д а л ь³ II, стб. 333—334.

²⁷ Картоотека Печорского областного словаря.

²⁸ М. Ф. К р и в о ш а п к и н. Енисейский округ и его жизнь, т. III. СПб., 1865, стр. 18.

процесс деэтимологизации, закрепление вариантов с результатами аканья, вторичные аналогии и т. д., мне кажется, не нуждаются в объяснении.

Вероятно, не случайно вариант *rozvonъ не сохранился, он существует лишь в форме уменьшительности *позвонѣк*, где сохранению исходного звучания способствует ударение на конце слова. Ожидалось бы такое же соотношение и во второй паре. И действительно, при отсутствии формы *kozvonъ по говорам, сохранилось слово *ковзонки* как обозначение позвонков, суставов пальцев и костей для игры в бабки (говоры Архангельской²⁹ и Вологодской областей³⁰, Урала³¹ и Сибири³²). Наличие этих форм служит реальным подтверждением нашей этимологии.

Итак, в русском языке наблюдаются два слова для обозначения мелкого сустава (сочленения крупных костей никогда этими словами не называются, в этом случае используется слово *сустав*): *rozvonъ, *rozvonъкѣ и *kozvonъ, *kozvonъкѣ. Аналогичные образования в других славянских языках отсутствуют. Обе формы находятся в отношении чередования к слову *zveno и образованы при помощи архаичных префиксов *po-* и *ko-* (последний обладает значительной активностью в русских говорах). Если правомерность отнесения этих образований к праславянской эпохе может вызвать возражения, то несомненно одно: перед нами два очень архаичных с точки зрения формы и значения слова.

дѣб

В старом землепользовании в России существовал интересный термин *дѣб*. Слово *дѣб* — антоним слову *кон*, оно означало 'край, предел, конец', например 'последний жребий в жеребьевке' (волог., влад.)³³, «... наиболее удаленная от деревни треть покоса при делении его между крестьянскими хозяйствами» (яросл.)³⁴; 'межа, которая отделяет один участок от другого' (вят.)³⁵. Прилагательное *дѣбовой* означало 'последний, крайний, заканчиваю-

²⁹ *ковзонки* 'костяшки пальцев', 'сгиб суставов'. — М. Романов. Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянско-Дмитриевской волости Северо-Двинской губернии. 1929 (рукопись), № 126. — Картошка Словаря русских народных говоров (Ленинград).

³⁰ *ковзонки* 'суставы пальцев руки'. — Н. А. Иванчикова. Материалы для словаря Вологодского народного говора (рукопись), № 42. — Картошка Словаря русских народных говоров (Ленинград).

³¹ А. В. Миртов. Уральский словарь (рукопись), № 86: *ковзонки* 'позвонки, суставы'.

³² *ковзонки* 'позвонки, суставы' (Н. Г. Потанин. Юго-Западная часть Томской губ. в этнографическом отношении. — «Этногр. сб. РГО», вып. VI, 1864, стр. 24).

³³ Картошка Словаря русских народных говоров (Ленинград).

³⁴ Мельниченко, стр. 57.

³⁵ Картошка Словаря русских народных говоров (Ленинград).

щий очередь или счет', например *дѣбовая полоса* — 'последняя', а первая — *резовая, дѣбовая кулига* — 'дальняя кулига', т. е. 'дальний надел покоса, доставшийся хозяйству', *дѣбовый жребий* — 'вынутый последним', *дѣбовой двор* — 'последний дом, которым заканчивается очередь (при кормлении пастуха и пр.)'³⁶. Очень своеобразно значение слова в смоленских говорах: *дѣба* — 'плохая, неплодородная земля'³⁷, вероятно, первоначально — 'последний и потому самый плохой участок земли'.

Отметки при разделе различного рода участков земли чаще всего делались при помощи зарубок на деревьях (ср. в этом значении *рубезж, грань, черта, чертеж, зѣтись, рез* и др.), реже — при помощи столбиков, колышков (так делились главным образом поля и покосы), иногда — столбиков с пучком травы или соломы (*веха*), еще реже — с помощью ямок или кучек земли. Поскольку эти меты указывали на границы земельных участков, слова, их обозначающие, впоследствии приобрели отвлеченное значение 'край, предел, граница'. Ср. современные значения таких слов, как *граница, рубезж* и др.

Рассматриваемое нами слово *дѣб* имеет отвлеченное значение 'край, предел', поэтому мы вправе предположить, что первоначально оно имело более конкретное значение 'межевой знак'; а поскольку это слово употреблялось главным образом при дележе полей и покосов, то, вероятнее всего, оно значило 'колышек'.

Для доказательства правильности предложенной нами реконструкции значения слова *дѣб* следует привлечь дополнительный материал. В белорусском и украинском языках и в соседних с ними русских говорах существует устойчивый фразеологизм *сесть, сидеть дѣбом*, что значит 'сидеть неподвижно, столбом'. Ср. *дѣбам 'сидеть молча, неподвижно, не принимая участия в обсуждении вопросов'* (брянск.)³⁸, блр. *дзѣўбам 'неподвижно, столбом'*³⁹: Як пошов, так *дзѣўбом* там и сев⁴⁰, — укр. *дзѣобом сѣсти* 'остаться на месте, не подвинуться': *Дзѣобом сѣдиш — ні за що рук зачепити, ніде зробити*⁴¹.

Оставляя в стороне вопрос об исконности украинских и белорусских форм, мы должны обратить внимание на составные элементы фразеологизма и его значение. *Сидеть дѣбом* 'сидеть столбом, неподвижно'. Ср. *сидеть, как пень, пнем; сидеть столбом*;

³⁶ Мельпиченко, стр. 57.

³⁷ А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». — «Уч. зап. Смол. ПИ», 1958, вып. 9, стр. 137.

³⁸ П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины (рукопись), стр. 150.

³⁹ М. Гарэцкі. Беларуска-расійскі слоўнічак. Менск, 1925, стр. 48.

⁴⁰ Носович, стр. 133.

⁴¹ Гринченко I, стр. 380.

стоять столбом и т. п. Можно сделать естественный вывод, что слово *дѣб* в этом выражении должно означать 'столб, кол, пенек'. Польское происхождение укр. *дзьоб*, блр. *дзеўб* (результат контаминации *дзѣб* и *дзеўбаць*) 'клюв, острие' ничего не дает для понимания фразеологизма, и можно предположить, что мы наблюдаем здесь формальное влияние слов *дзьоб*, *дзѣб* на существовавшее ранее независимое выражение *сидеть дѣбом*.

Существует устойчивая семантическая модель 'столб' → 'быть неподвижным, сделаться подобным столбу', ср. *столб—остолбенеть*, *кол—околеть* 'застыть, замерзнуть, потерять подвижность' и затем уже 'умереть', первоначально тоже 'застыть', *кочан*, *кочень—окоченеть* и др. Если предположение о том, что слово *дѣб* первоначально значило 'колышек, столбик' верно, то ожидался бы аналогичный производный глагол от этого слова. Действительно, в калужских говорах есть глагол *дибеть* 'коченеть, мерзнуть'⁴²; в говорах б. Казанской и Пензенской губ. глагол *дыбеть* значит 'долго быть на одном месте, торчать'⁴³. Ср. выражение *сидеть дѣбом*.

В ряде других говоров мы наблюдаем уже производные и более отвлеченные значения у этого глагола: 'терпеливо ждать' (влад.)⁴⁴; 'сидеть над чем-либо, корпеть', 'усидчиво заниматься, сидеть долго, упорно', бол. гов. *дебеть с кем* (вят., ниж.)⁴⁵: 'Что ты над этим так *дибишь*, разве не успеешь сделать после?; Он так и *дибит* над делом (сарат., тамб.)⁴⁶; 'выжидать чего-либо с жадностью, нетерпением' (нижег. твер.)⁴⁷.

Таким образом, мы можем представить себе полностью данную группу слов в русском языке: *дѣб* 'столбик, колышек, межевой знак' → 'предел, край, граница', *дѣбовой* 'последний, крайний', *сидеть дѣбом* 'сидеть неподвижно, столбом', *дебеть* 'коченеть, мерзнуть', 'сидеть неподвижно, торчать' → 'терпеливо ждать, упорно заниматься, выжидать чего-л. с жадностью, нетерпением'.

Наблюдается поразительная близость этих производных значений с материалами болгарского языка. Ср. болг. *дѣбя*, *дѣба*, *дѣбим дѣбам се*, *дѣбам* 'подстергать, выслеживать', т. е. 'сидеть неподвижно, выжидая'.

Существительное *дѣб*, которое является семантически опорным словом в рассматриваемом гнезде слов, формально может быть отглагольным образованием. Предполагаемый глагол должен был бы иметь значение *'бить, колоть, ломать'. Именно с таким

⁴² Картоотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Д а л ь³ I, стб. 1051.

⁴⁶ Дополнение к Опыту, стр. 47.

⁴⁷ Д а л ь³ I, стб. 1275.

значением зафиксирован в псковских говорах глагол *дѣбать* (*дѣбать* 'ломать')⁴⁸.

Русско-болгарские соответствия позволяют восстановить на праславянском уровне следующий ряд: *debati 'ломать', м. б. *'бить, долбить' → производное отглагольное имя *debъ 'клин, колышек' и отыменный глагол *deběti 'сидеть неподвижно' → 'упорно заниматься', 'терпеливо ждать', 'подстергать'.

Все эти формы восходят к и.-е. корню **dhebh-* 'повреждать, портить'⁴⁹, предполагавшемуся до сих пор только в индо-иранской группе языков: др.-инд. *dabhnōti* 'повреждает, ранит, обманывает', авест. *dab-* 'обманывать', осет. *dawin* 'воровать'⁵⁰, со специфическим для индо-иранского мира развитием значений 'повреждать' → 'вредить' → 'обманывать' (ложь как высшее преступление против государства в миросозерцании древних персов, например).

Славянские языки дают материал иного семантического развития этого корня.

степь

«*Степь* — безлесное и обычно безводное пространство с ровной поверхностью, покрытое травянистой растительностью»⁵¹. Перед нами термин, определение одной из географических зон. Так же как и у других слов этого типа (*саванна, пампасы, пустыня*), у слова *степь* существует четкое определение, а у носителей языка — устойчивое представление об определенном ландшафте, связанное с этим словом.

Мало того, это определение применимо только к конкретной территории — украинские степи, кубанские степи и т. д.: . . . весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничего в природе не могло быть лучшего. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. . . Вечером вся *степь* совершенно переменилась. Все пестрое пространство ее

---

⁴⁸ Картотека Псковского областного словаря (Ленинград).

В тех же псковских говорах зафиксирована любопытная причастная форма *дѣблый* 'слабый'. Ср. *портить*—*порченный*, *кроить* 'резать' и *кривой* 'кривой, хромой', *ломать* и родственное англ. *late* 'хромой' и др.

⁴⁹ Р о к о г н у, стр. 240; Г е о р г и е в, стр. 330, где болгарские формы возводятся к этому корню.

⁵⁰ Р о к о г н у, стр. 240; А б а е в I, стр. 348.

⁵¹ «Толковый словарь русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова), IV. М., 1940, стр. 510.

охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебежала по нем, и она становилась темнозеленою . . . бесконечная, вольная, прекрасная *стень* (Гоголь).

Таково значение и таков круг образов, которые связаны с современным русским словом *стень*, украинским *стен*. В других славянских и неславянских языках это слово в качестве географического термина заимствовано из русского или украинского языков (польск. *step*, чеш. *step*, словц. *step*, словен. *stépa*, с.-хорв. *стѣна*, нем. *Steppe* и даже англ. *steppe* уже в XVI в.⁵²).

Думается, что именно предвзятость современного представления о значении слова *стень* была основным препятствием для выяснения его этимологии. Твердо установленной этимологии это слово не имеет. Не решен даже вопрос о его реконструкции. Было высказано четыре гипотезы. Р. Брандт реконструировал слово как **szterъ* и сближал со словами *топот*, *топтать*, восстанавливая первичное значение слова как 'вытопанное место'⁵³; сохраняя ту же реконструкцию, М. Фасмер высказал мысль о возможности связать корень слова с глаголом *тenu*, в этом случае первичным значением было бы 'вырубленное место'⁵⁴. Г. Ильинский дал реконструкцию **стльнь* и сравнил это слово с лит. *stiēpti*, *stiepiu* 'простирается'⁵⁵. Реконструкция Ильинского учитывает как русскую, так и украинскую формы слова (укр. *стен* может быть только из **стльнь*). Чтобы выйти из этого противоречия, Фасмер даже предполагает, что украинское слово заимствовано из русского. Но для такого предположения нет никаких ни лингвистических, ни исторических оснований. А. Преображенский, напротив, считает, что в русском языке это слово из украинского, и высказывает мысль о возможном иноязычном происхождении слова⁵⁶.

Отметив существующие трудности в этимологизировании слова и оставляя без критики высказанные этимологии, я хотела бы предложить еще одну, может быть столь же спорную, гипотезу. Для этого следует обратиться к совершенно иному материалу. В русской охотничьей терминологии существует слово *стень* 'спина борзой собаки'⁵⁷; Даль определяет это слово так: 'хребет борзой и псовой собаки, хорта': *Стень* у собаки широкая, крепкая⁵⁸.

---

⁵² Дополнение О. Н. Трубачева к переводу «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (рукопись).

⁵³ Р. Брандт. Дополнительные замечания к Этимологическому словарю Миклошича. — РФВ 24, 1890, стр. 182—183.

⁵⁴ У а с м е р III, стр. 11.

⁵⁵ Г. А. И л ь и н с к и й. Славянские этимологии. — РФВ 63, 1910, стр. 335—337.

⁵⁶ П р е о б р а ж е н с к и й II, стр. 382.

⁵⁷ «Характеристика породистых собак по признакам типичности, особенностям характера и специальной пригодности». СПб., 1894, стр. 6.

⁵⁸ Д а л ь IV, стб. 529.

В этом же значении зафиксировано это слово в памятниках: . . . голова [собаки] сухая . . . зазоръ навкате *стенъ* или наклонъ обляя⁵⁹.

Кроме того, *стенью* называется хребет быка, коровы⁶⁰, хребет конской шеи вдоль гривы, холка, спина лошади⁶¹; ср. в печорских говорах *стен* 'холка, верхняя часть шеи лошади': с'у *ст'эн-то* выкусал жер'еб'ёц-то (другому)/ потóm н'е мѡжно было хомút наложыт'⁶². В печорских былинах, собранных Ончуковым, это слово встречается несколько раз: Отправляется удалой добрый молодец, | Седлат-уздат коня доброго, | Перекрестницу кладет через хребетну *стен*; Посадил он тут Соловья | На *стен* лошадиную; . . . через сильну *стенъ*, | Через сильну *стенъ* лошадиную; Побежал нынь Добрыня на конюшен двор, | Да и брал он коня да все семи чепей, | Да семи он чепей, да семи розвезей, | Да и клал он на коня да плотны-плотънички, | Да на плотънички клал да мякки войлочки, | Да на войлоцъки седельшко черкальской, Да двенадцеть он вяжот подпруг шолковых, | Да тринадцати вяжот черезхребётную, Через ту же он *стен* да лошадиную⁶³. То же значение слова *стенъ* в вологодских говорах — 'часть спины лошади, находящаяся под седелкой', 'холка у лошади'⁶⁴, в говорах Урала *стенъ* — 'холка, верх хребта'⁶⁵, в говорах Сибири — то же⁶⁶; Богораз определяет слово как 'высшая точка шеи животных'⁶⁷; Бурнашев объясняет слово как 'то место в шее лошади, где грива приросла'⁶⁸. *Стеністая* лошадь (пермск. сиб.) — 'конистая, у которой шея колесом'⁶⁹.

Стенная жила, по определению Бурнашева, «есть та жила у животных, из которой обыкновенно пускают кровь; лежит вдоль шеи»⁷⁰. *Стенник* — 'болезнь лошади, нарыв на спине'⁷¹; *стенница* — 'конская болезнь, мыт'⁷².

---

⁵⁹ «Книга охотничей регул, или Порядок о содержании псовой охоты». Перев. с нем. 2-й пол. XVII в. Рукопись ГПБ О. Х. З. сер. XVIII в. — ДРС.

⁶⁰ В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. II. СПб., 1844, стр. 292.

⁶¹ Даль³ IV, стб. 529.

⁶² Л. А. Ивашко. Картотека Печорского областного словаря (Ленинград).

⁶³ Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. 38, 41, 18, 9.

⁶⁴ Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Богораз, стр. 136.

⁶⁸ В. Бурнашев. Указ. соч., II, стр. 292.

⁶⁹ Даль³ IV, стб. 528.

⁷⁰ В. Бурнашев. Указ. соч., II, стр. 292.

⁷¹ М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3. СПб., 1910, стр. 84.

⁷² В. Бурнашев. Указ. соч., II, стр. 292.

В новгородских говорах Герасимов отмечает слово *спенá* 'спина', никаких дополнительных характеристик значения он не дает ⁷³.

Итак, в севернорусских говорах существует слово *стен*, *стенъ*, *стенá* 'холка лошади', 'спина лошади', производные от этого слова *стенной*, *стенистый*, *стенник*, *стенница*. Материалы профессионального языка указывают на то, что слово *стенъ* значило еще 'спина борзой собаки', 'спина у крупного рогатого скота', может быть, это слово употреблялось и в значении 'спина вообще' ⁷⁴.

Существует устойчивая семантическая связь: 'спина' — 'возвышенность'. Ср. слав. *gъrbъ 'спина' при укр. *горб* 'холм', чеш. *pahrbek* 'бугор, холм', др.-прусс. *garbis* 'гора'; *xъrbьtъ, *xribъ 'спина' при ст.-чеш. *chrb* 'гора', ц.-слав. *xриbъ* 'холм', с.-хорв. стар. *xриb* 'холм', словен. *hrib* то же, чеш. *chřib* 'холм', русск. *горный хребет*.

Мы вправе предположить, что и у слова *стенъ* 'спина' должно быть аналогичное параллельное образование. И действительно, в архангельских говорах *стенью* называется 'плоская безлесная возвышенность' ⁷⁵. Шренк определяет слово точнее: «*Стенями* в Мезенском округе называются плоские безлесные возвышенности, простирающиеся кряжами среди лесистых равнин, и разделяющие системы вод, наприм. *Чушовская Стень* и др.» ⁷⁶ Удивительно сходное образование мы обнаруживаем в украинских карпатских говорах *стéна* 'обрыв', 'скала, гора' ⁷⁷.

Мы наблюдаем сохранение той же семантической модели, что и в рассмотренных выше словах *горб* и *хребет*: *стенъ*, *стенá* 'спина' — *стенъ*, *стена* 'возвышенность, кряж, гора, скала'. Это соотношение значений представляется нам наиболее древним. Ср. еще *грива* 'сухая возвышенность' и *грива* первоначально 'шея лошади'.

При анализе развития значений географических терминов следует учитывать миграцию населения и изменения условий географической среды ⁷⁸. Природные условия Архангельской обл. во многом напоминают природные условия Полесья и Белорус-

⁷³ М. К. Герасимов. Указ. соч., стр. 84.

⁷⁴ На уровне гипотезы можно предположить, что русско-украинско-польское слово *spina 'спина' может быть упрощением более ранней формы *stъpiná — формы с суффиксом *-*ina* от *stъrbъ 'спина', ср. такие образования, как *шир* — *ширина*, *глубь* — *глубина*. Аналогичный процесс упрощения в слове *спица* < *stъpica. Но я отнюдь не настаиваю на этой этимологии, поскольку есть две другие, не менее достоверные. Ср.: V a s n e r II, стр. 708.

⁷⁵ П о д в ы с о ц к и й, стр. 163; Д а л ь³ IV, стб. 529.

⁷⁶ Л. И. Ш р е н к. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии. — «Зап. РГО», 1850, кн. IV, стр. 136.

⁷⁷ Т. А. М а р у с е н к о. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов — Сб. «Полесье». М., 1968, стр. 250.

⁷⁸ Ср.: В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — «Изв. ОЛЯ АН СССР» XIX, вып. 3, 1960.

сии: болотистая лесная равнина, окружающая отдельные возвышенности. Эти возвышенности, холмы, как более сухие и потому более пригодные для жилья и земледелия, нередко вырубались и распахивались. Ср. сохранение этих старых значений в русск. ярсл. *холм* 'поле, окруженное лесом', *дор* 'новое селение на чистом возвышенном месте' (волог., арх.)⁷⁹. Но эти же безлесные возвышенности, поросшие травой, использовались в качестве пастбищ. Такие возвышенности, по-видимому, носили название *степь*. Отголоски этих старых представлений сохранились во многих говорах: *степь* 'открытое безлесное место'⁸⁰, *степбчка* 'безлесное место, поляна'⁸¹; *степ* 'название луга' (орл.)⁸²; *степь*, *степ* 'поле, луг, выпас' (амур.)⁸³. Очень интересны объяснения, которые дает Бурнашев в своем терминологическом словаре: «*степные луга* — это те луга, которые находятся в удалении от жилья и пашень, на высоких, но достаточно влажных местах»; «*степовое сено* — то, которое растет на *возвышенных местах*»⁸⁴ (курсив мой. — В. М.).

Итак, вторым или вторичным значением слова *степь* следует считать 'луг, пастбище на возвышенном месте, поляна на возвышенном месте'. Ср. аналогичные пастбища среди лесов в Карпатах. Сено с таких пастбищ противопоставлялось болотному.

Становится понятным, почему при движении славян на юго-восток, на территорию причерноморских степей, это нетронутое пастбище, море трав было названо *степью*. Местность там была то холмистой, то равнинной, но характер ее оставался тот же. Поэтому слово *степь*, постепенно утратило признак 'возвышенность', но сохранило другие признаки — 'безлесное пространство' и 'пространство, поросшее травой'. В местах, где природные условия не изменились так резко, слово *степь* сохранило свое архаичное значение.

По-видимому, в праславянскую эпоху слово *stьpь не было общеславянским. На его диалектный характер указывает существование в русских говорах синонима для слова *степь* — *дикое поле*. Так называют степь в говорах Рязанской, Тамбовской и Саратовской областей⁸⁵.

Можно сказать, что в группе восточнославянских говоров, легших впоследствии в основу севернорусских говоров, в праславянский период было слово *stьpь, *stьpa 'спина' — 'безлесная, поросшая травой возвышенность, гора'; в группе говоров, легших

⁷⁹ Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

⁸⁰ В. П. Бирюков. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953, стр. 189.

⁸¹ Там же.

⁸² Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

⁸³ Там же.

⁸⁴ В. Бурнашев. Указ. соч., II, стр. 292

⁸⁵ Опыт, стр. 47.

в основу украинского языка, **stьpъ*, **stьpa* — 'гора; безлесная, поросшая травой возвышенность'. На исключительное лексическое сходство севернорусских говоров и украинского языка исследователи уже давно обратили внимание. В говорах, которые впоследствии оформились в южнорусские и говоры белорусского языка, этот диалектизм отсутствовал.

И структура слова и характер значения с несомненностью говорят о его праславянском происхождении.

Мысль о возможности связи слов *стень* 'степь' и *спень* 'спина' высказал, но несколько неуверенно, еще Фасмер⁸⁶.

Кажется, что приведенный выше материал указывает на несомненность этой связи.

Праславянский диалектизм **stьpъ* 'спина', 'возвышенность' находится в родственных отношениях с праслав. **stьbьlь*, **stьbьlo*.

---

⁸⁶ V a s m e r III, стр. 11.